

Ж.С. Мажитова

**Вклад М.П. Вяткина
в исследование народно-освободительного
движения казахов под руководством
бия-батыра Срыма Датова**

В статье рассматривается вклад М.П. Вяткина в исследование одной из сложных тем по истории казахского общества, касающееся народно-освободительного движения под руководством бия Срыма Датова. Автор отмечает, что М.П. Вяткину удалось, несмотря на наметившуюся в то время в советской историографии тенденцию, относить всех биев к классовым врагам советской власти, показать движение под его руководством как народное и освободительное.

Ключевые слова: народно-освободительное движение; бии; суд биев.

Одним из приоритетных направлений, исследование которого было начато в 1940-х годах, стала тема освободительного движения казахов. Появилось немало работ, в которых предпринимались попытки раскрыть закономерности причин и ход народных выступлений, выявить социальный состав участников, цели и задачи каждой политической силы. В этом направлении, бесспорно, выделяются фундаментальностью работы профессора М.П. Вяткина (1895–1967) о батыре Срыме [1–2], который был бием рода байбакты, богатым родоправителем, руководителем одного из самых значительных выступлений казахов в Младшем жузе в последней четверти XVIII века (1783–1797). Полагаем, что выход монографии стал важным историографическим событием, так как заложенный ученым теоретико-методологический подход к изучению народных выступлений стал основополагающим не только для советской, но и для современной историографии.

М.П. Вяткин при исследовании этого движения столкнулся, на наш взгляд, с рядом трудно разрешимых задач: во-первых, руководителем движения являлся представитель привилегированного, зажиточного сословия, а между тем ученый при характеристике этого выступления называет его антиколониальным и антифеодальным. Объяснение объективных и субъективных побудительных мотивов руководителя движения для выступления против той части общества, представителем которой он сам являлся, учитывая, что в «Кратком курсе» ученым вменялось в обязанность «не сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев» [4: с. 154], мы полагаем, вызывало у автора методологические трудности. Во-вторых, неоднородность движущих сил на разных его

этапах приводила к изменению «политической программы» руководителя и его сторонников, поэтому ученому предстояло объяснить, каким образом Срымү Датову удавалось сохранять баланс политических сил, на протяжении длительного времени (14 лет) оставаться признаваемым народным лидером, в конце концов, свергнуть ханскую власть, т. е. совершить своего рода «революцию», учитывая, что он не был пролетарием и уж тем более большевиком. В-третьих, характеризуя выступление шаруа как народное, крестьянское, М.П. Вяткин в то же время показывает, что бии, старшины, султаны и другие привилегированные группы не были случайными «попутчиками», они выступали совместно с крестьянскими массами, выражая и преследуя общие с ними цели.

Надо отметить, что ученому в целом удалось решить возникшие научные задачи путем скрупулезного анализа сложившейся социально-политической и экономической ситуации в Младшем жузе в XVIII веке. Нас заинтересовала та часть исследований М.П. Вяткина, в которой предпринята попытка дать развернутую характеристику сложившихся общественных отношений у казахов. Ученый, исследуя классовую структуру казахского общества XVIII века, выделяет два основных класса: «...с одной стороны, феодалы в лице султанов — старой кочевой аристократии, и родовой знати в лице биев, батыров, мурз, тарханов и, с другой, феодально-зависимых масс трудящихся казахов» [2: с. 378]. Важно заметить, что М.П. Вяткин, не будучи знаком с архивными материалами Оренбургской пограничной комиссии¹ (такой вывод позволяет сделать приведенный в монографии обзор источников), предлагал дифференцированно относиться к этому «видовому, а не родовому понятию». Так, те бии, которые с 1787 года, когда российское правительство ввело в Младшем жузе особую должность «родовых старшин», стали именоваться биями-старшинами, или просто старшинами, скорее всего, принадлежали к знатым и влиятельным семействам. В то же время ученый считает, что сословная группа биев в казахском обществе была открытого типа, т. е. «звание бия мог получить и казах, не принадлежавший к родовой знати. Мы должны таких биев — добровольно признаваемых судей — отличать от биев-старшин» [1: с. 111]. Такой вывод очень важен для понимания особенностей выступлений казахских шаруа, учитывая, что наметившаяся в то время в советской историографии тенденция относить всех биев, старшин и т. д. к классовым врагам советской власти не позволяла объективно обрисовать сложность и противоречивость отношений различных групп, скрепленных родовыми отношениями. Отчасти такой подход ученого объясняет активное участие биев в этом движении.

По мнению автора, наиболее трудно объяснимым термином является «бий», корни которого, на основе сравнительного анализа тюркских источников, он относит к доказахскому прошлому общества Дешт-и Кыпчака. Так, например, он пишет: «В хронике Муниса “Рай счастья” Узбек-хан (1312–1340), чтобы отличить принявших мусульманство нойонов, присвоил им тюркское

¹ Речь идет об отчетах 1846 г. чиновников Оренбургской пограничной комиссии Аитова, Белозерова и др., в которых были представлены материалы об обычном праве казахов.

звание “бек”» [2: с. 107]. Далее, вновь ссылаясь на этот источник и материалы дореволюционной российской историографии, М.П. Вяткин приходит к убеждению, что бии в казахском обществе являлись не столько представителями «родовой демократии» (хотя ученый этого не исключает), сколько родовой знатью, захватившей в свои руки управление государством, позволив им создать привилегированную группу родовой знати и прямым образом влиять в своих интересах на верховную власть. Подтверждая свой вывод, М.П. Вяткин пишет: «Ни одного сколько-нибудь значительного решения хан не мог принять без согласия старшин. Когда хан обходил решения собрания, это вызывало протест со стороны старшин. Феодалным “правом совета” старшины крайне дожили». Более того, осознание своего значения и авторитета среди кочевников и боязнь потерять их привели к конфликту: «Одной из причин возмущения старшин ханом Нуралы в 80-х гг. XVIII в. было то, что хан в практике управления отказался признавать это право за старшинами» [2: с. 149–150].

Останавливаясь в своей работе на вопросе наследственности бийского звания, ученый говорит о появлении такой тенденции в XVII веке. Однако, как правильно подмечает М.П. Вяткин, генеалогическая близость претендента на это звание к бийскому сословию не означала автоматического признания общиной его в этом качестве. Звание бия было почетным, и желание со стороны родовой знати создать замкнутую наследственную группу говорит, скорее всего, о наметившемся стремлении бийского сословия.

Большое внимание ученый уделяет раскрытию специфики национально-освободительных движений казахов. Интерес ученого вызван желанием связать классовые противоречия в казахском обществе, как причину народных выступлений, с наличием различных форм патриархально-родового быта: родовая ответственность сородичей за каждого своего члена, делегирование интересов общины ее родовым представителям, регулирование общественных отношений нормами адата, генеалогическая иерархия племенных и родовых групп, внеэкономические формы принуждения (саун, аманат-мал, сыбага и т. д.), совет биев и старшин и т. п.

Наличие патриархально-родовых пережитков, которые замаскировывали классовые общественные противоречия, по мнению ученого, объясняют многие, непонятные на первый взгляд коллизии движения. Во-первых, родовые обычаи и узы, которыми переплетались все социальные группы (в том числе антагонистические в материальном отношении), мешали размежеванию сил, в итоге управление родовыми общинами и руководство движением сосредотачивалось в руках признанных делегатов — высших социальных слоев, в данном случае — биев (Срыма Датова). М.П. Вяткин, ссылаясь на сведения Я. Гавердовского, пишет: «О его богатстве... дает некоторое представление тот ас (поминки в годовщину. — *Ж.М.*), который был справлен по нему после его смерти. Ас по Срыму стоил наследникам и родным 3000 овец, до 300 лошадей, до 6000 ведер кумыса, нескольких кибиток, панцырей и множества других вещей» [2: с. 194–195]. Во второй половине XVIII века бийская группа,

обеспокоенная сужением кочевых маршрутов, вызванных правительственными указами от 1742 года и приведших к земельному кризису, который в свою очередь спровоцировал появление антиханских настроений, «созревает» до введения на территории Младшего жуза новых форм казахской государственности путем отказа от ханского управления и передачи рычагов власти съезду биев и старшин.

Данное обстоятельство не помешало автору сделать вывод о народном характере крестьянской войны под руководством Срыма Датова, так как, с одной стороны, «огромную роль играл земельный вопрос», с другой — «народная основа борьбы позволила Срым Датову поставить вопрос о ликвидации ханской власти» [2: с. 217–218]. Причина парадоксальности и противоречивости на первый взгляд вывода ученого — «Срым Датов — вождь народного движения» — объясняется, видимо, следующим образом. М.П. Вяткин, оказавшись зажатым в тисках классового подхода, был вынужден искать классовую природу конфликта там, где она не могла иметь ярко выраженной формы. Ведь недовольный политикой родоправителя кочевник мог в знак протеста откочевать в любое время года и в любом направлении. В кочевом обществе противоречия редко выступали в форме вооруженной борьбы, они сглаживались обычно-правовыми институтами. Поэтому классовый подход в объяснении национально-освободительного движения казахов не помогал, а скорее усложнял задачу исследователя: «Срым Датов — богатый родоправитель, бий, “эксплуататор” и руководитель народного движения» в одном лице. Отсюда понятно желание М.П. Вяткина сгладить это противоречие патриархально-родовыми пережитками общества.

Во-вторых, ученый видит связь между патриархально-родовыми пережитками и участием широких масс кочевников в движении в том, что в традиционном сознании народа бий являлся общепризнанной популярной фигурой. Бий — почетное звание, авторитетное лицо, непререкаемый судья: априори казахи доверяют ему свои кровные интересы и заботы, будучи уверены в том, что лучше него защитить и отстоять будущее общины не сможет никто. Понятен замысел ученого, когда он приводит народные сказания о Срыме, полные неподдельной любви и надежды, рисующие его народным героем, борцом, оратором. В-третьих, несмотря на то, что Срым и его сторонники преследовали, в первую очередь, узкородовые интересы, активность масс прослеживалась практически на всех этапах движения. Данное обстоятельство, так же как и предыдущие, объяснялось патриархально-родовыми формами, которые предполагали солидарность всех членов кочевой общины. Стихийность, размежевание участников в ходе движения, изменение политической цели (от полной ликвидации ханской власти до пожелания «такого хана, какой их воле был бы послушен») и др. причины стали объективным фактором «разоблачения» призрачности единства интересов разных политических сил. Это, в свою очередь, позволило М.П. Вяткину сделать принципиальный вывод: «Движение Срыма мы должны оценить как явление революционно-освободительное в развитии казахского общества» [1: с. 212], «классовый характер движения

проявился в борьбе *не против родовых биев* (курсив мой. — Ж.М.), а против султанов, стоявших вне казахских общин» [2: с. 380]. В целом схожую характеристику со стороны М.П. Вяткина получили и другие движения казахов, возглавляемые биями, — И. Таймановым, Ж. Нурмухамедовым.

Взгляды ученого по этому вопросу были отражены в первом издании «Истории Казахской ССР» 1943 года, соавтором которого он являлся [5]. К работе над первым учебником по истории республики была привлечена группа специалистов из центральных научных институтов Москвы и Ленинграда, эвакуированная в Казахстан в годы Великой Отечественной войны, в числе которых были такие видные ученые, как А.М. Панкратова, Н.М. Дружинин, М.П. Вяткин и др. С казахстанской стороны в работе над научным проектом принимали участие Е.Б. Бекмаханов, И. Омаров и др. Жаркие споры и дискуссии среди авторов вызывали многие вопросы истории казахов, среди которых стоит особо отметить следующие: характер, причины и ход присоединения Казахстана к России («наименьшее зло» или «сговор казахской феодальной верхушки с царским правительством»); время формирования казахской народности (до или после образования Казахского ханства). Пожалуй, одним из немногих вопросов, по которым ученым удалось выработать единую позицию, стал вопрос о народно-освободительном движении казахов XVIII–XIX веков, которое характеризовалось как антиколониальное и национально-освободительное, вне зависимости от степени и активности участия в них полярных классовых сил, так как «элементы социальной борьбы не играли роли» [5: с. 329]. Концептуальный подход при освещении национальных движений в советской историографии того времени был высказан А.М. Панкратовой: «Национальные освободительные движения в Казахстане проходят через весь колониальный период казахской истории. Их можно разбить на три периода: борьба против завоевания и колонизации Казахстана с середины XVIII века до конца XIX века; национально-революционное движение в годы первой русской революции 1905–1907 годов; массовое национально-освободительное восстание 1916 года, непосредственно предшествовавшее Октябрьской революции» [6: с. 22].

Основные задачи выступлений казахов, по мысли авторов учебника, заключались в «создании независимого Казахского ханства, против наступавшего русского царизма, против тех представителей казахской знати, которые становились на сторону царского правительства» [5: с. 329]. Конечно, в военные годы, когда особенно актуализировались вопросы советского патриотизма, «нерушимости дружбы и единства исторических судеб народов, живших в Советском Союзе», трактовка закономерностей исторического развития казахов сквозь призму борьбы за свою независимость объективно не могла не вызвать критику со стороны как партийных, так и научных организаций.

Поэтому неудивительно, что первое издание по истории Казахстана и в первую очередь вопросы по истории национально-освободительного движения подверглись массивной критике со стороны как партийных органов, так

и историков. Резюмировать критические выступления в адрес авторов учебника можно словами профессора С.К. Бушуева, который, в частности, отмечал: «Книга антирусская, так как она идеализирует национальные восстания против России» [7].

Огульные обвинения, показательные осуждения «политически невыдержанных» исследований с участием ответственных партийных работников, наклеивание необоснованных ярлыков конечно же не могли не привести к морально-психологическому дискомфорту, естественной обиде, появлению чувства научной неполноценности, невостребованности среди целой плеяды замечательных ученых.

Некоторые ученые (М.П. Вяткин, Е.Б. Бекмаханов и др.) под давлением сложившихся обстоятельств были вынуждены поменять свои научные взгляды (или продемонстрировать, что они их поменяли). Так, в 1952 году появляется «покаянная» статья М.П. Вяткина, в которой автор признавал грубые ошибки, допущенные при оценке национальных движений [3]. В статье встречается ряд положений, недостаточно аргументированных и явно декларативных, со ссылкой на работы И.В. Сталина, доказывающих зависимость автора от утвердившихся в исторической науке шаблонов и не отражающих его истинной научной позиции. Несмотря на идеологический диктат, конъюнктуру в исторической науке, научный вакуум (к написанию третьего издания истории Казахской ССР его не пригласили), М.П. Вяткин старался оставаться верным своим научным убеждениям.

Таким образом, в начале 1940-х годов появлялись работы, отличающиеся новизной исследовательских подходов, глубиной выводов, основывающихся на скрупулезном изучении первоисточников. Именно к таким можно отнести исследования М.П. Вяткина, внесших значительный вклад в разработку методологических подходов при анализе народно-освободительного движения кочевников. Благодаря М.П. Вяткину советская историография 1930–1950-х годов смогла поставить и решить целый комплекс проблем, в том числе исследовать один из таких трудных для теоретического осмысления явлений, как народное движение. Труды М.П. Вяткина и сегодня являются лучшими в этом вопросе и лишней раз доказывают высочайшую квалификацию ученого, его желание сохранить академичность, научность подходов. Положение ученого такого уровня в исследовании истории движений можно и сегодня назвать монопольным.

Литература

1. *Вяткин М.П.* Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. Л.: Огиз, 1941. 367 с.
2. *Вяткин М.П.* Батыр Срым. М.; Л.: АН СССР, 1947. 391 с.
3. *Вяткин М.П.* Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 157–159.
4. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1938. 351 с.
5. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / Под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. 660 с.
6. *Панкратова А.М.* Основные вопросы истории Казахской ССР // Большевик Казахстана. 1943. № 11–12.

7. *Иванов Ю.Ф.* Письма Анны Михайловны Панкратовой // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 54–79.

Literatura

1. *Vyatkin M.P.* Oчерki po istorii Kazaxskoj SSR. T. 1. L.: Ogiz, 1941. 367 s.
2. *Vyatkin M.P.* Baty'r Sry'm. M.; L.: AN SSSR, 1947. 391 s.
3. *Vyatkin M.P.* Pis'mo v redakciju // Voprosy' istorii. 1952. № 2. S. 157–159.
4. Istorija Vsesoyuznoj kommunisticheskoj partii (bol'shevikov). Kratkij kurs. M.: Gospolitizdat, 1938. 351 s.
5. Istorija Kazaxskoj SSR s drevnejshix vremen do nashix dnei / Pod red. M. Abdy'kaly'kova, A. Pankratovoj. Alma-Ata: KazOGIZ, 1943. 660 s.
6. *Pankratova A.M.* Osnovny'e voprosy' istorii Kazaxskoj SSR // Bol'shevik Kazaxstana. 1943. № 11–12.
7. *Ivanov Yu.F.* Pis'ma Anny' Mixajlovny' Pankratovoj // Voprosy' istorii. 1988. № 11. S. 54–79.

Z.S. Mazhitova

M.P. Vyatkin's Contribution in the Research of Kazakh National-Liberation Movement Led by Biy-Batyr Syrym Datov

The article considers M.P. Vyatkin's contribution in the research of one of the complicated issues in the history of Kazakh society related to the national liberation movement led by biy Syrym Datov. The author notices that M.P. Vyatkin managed to show the movement led by him as national and liberating despite the trend charted at the time in the Soviet historiography to attribute all biys as the class enemies of Soviet regime.

Keywords: national-liberation movement; biys, biys' court.